

ПРОТ. АЛЕКСАНДР ЗАДОРНОВ

ПРОФЕССОР С. В. ТРОИЦКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

История церковного права в российских духовных школах все еще ждет своего исследователя. Ее особенностью является то обстоятельство, что русские канонисты работали одновременно и в духовной, и в светской образовательной системе, перенимая не только методологию последней, но и, в общем-то, ее мировоззренческие установки. Это относится, прежде всего, к таким корифеям канонической науки, как А. С. Павлов (профессор Императорского Московского университета по кафедре права), Н. С. Суворов (преемник Павлова по кафедре), В. Н. Бенешевич (исследовавший канонические источники в качестве профессора Петербургского университета и, некоторое время, Петербургской духовной академии). Объясняется это не столько инертностью научной среды в духовных школах рубежа XIX—XX веков, сколько стремлением вписать канонику в общий контекст правовых представлений той эпохи, которая отражалась как раз в деятельности университетской профессуры.

Отношение в России к праву вообще и церковному в частности в этом смысле нельзя назвать соответствующим каким-либо древним (византийским) или новым (эпохи европейского модерна) образцам. Часто выделяемые самим правоведами черты национального правосознания¹ не укладываются в обычные юридические схемы. В колебани-

¹ См., в частности: *Новгородцев П. И.* О своеобразных элементах русской философии права // *Сочинения*. М., 1995; *Поляков А. В.* Может ли право быть неправым. Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // *Правоведение*. № 4. 1997. С. 83–101.

ях между правовым идеализмом и разного рода правовыми теориями, восходящими к позитивизму, русская юридическая наука так и не сумела выработать должного понимания взаимоотношения гражданского и канонического права, их взаимовлияния при сохранении собственного значения.

Тем интереснее рассмотреть деятельность в этом направлении ученого, чей научный путь совершался на протяжении почти семидесяти лет в нескольких странах. Выдающийся русский специалист по каноническому праву Сергей Викторович Троицкий (1878–1972) был профессором Юридического и Богословского факультетов Белградского университета, приват-доцентом Новороссийского университета и преподавателем русского Парижского богословского института, а также профессором Московской духовной академии. Последней ступени его академической карьеры и посвящена предлагаемая публикация.

1. БИОГРАФИЯ С. В. ТРОИЦКОГО

Уроженец Томска, С. В. Троицкий являлся выпускником не Московской, а Санкт-Петербургской духовной академии. Выбор Троицкого в пользу Духовной академии вполне понятен для тверского семинариста, увлеченного церковной наукой. Более неожиданным кажется первоначально его решение одновременно пройти курс Санкт-Петербургского археологического института. Однако и этот шаг Троицкого вполне обоснован. Лекции по истории русского права в этом институте читали выдающиеся русские юристы В. М. Грибовский и Н. Н. Дебольский (рано умерший). Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно институтская практика весьма пригодилась Троицкому в его работах о «Законоправиле» св. Саввы и других канонических памятниках послевоенного периода. При этом параллельное обучение в высшем богословском учебном заведении и в институтских стенах не было в то время чем-то экстраординарным. Из современников Троицкого, прошедших тот же путь, можно вспомнить имена церковного композитора протоиерея Михаила Лисицына, искусствоведа Алек-

сандра Успенского и даже известного советского драматурга Константина Тренева.

Если Археологический институт многое дал Троицкому в смысле практическом, то Санкт-Петербургская духовная академия помогла ему начать восхождение по лестнице как научной, так и административной карьеры. Рубеж столетий стал для невской академии временем перехода от школы к традиции. В XIX веке речь могла идти разве что о направлении в общей линии развития российского богословия. Теперь стало вполне возможным выделять именно *петербургскую традицию*, как в выборе богословской проблематики, так и в самих подходах к ее решениям.

До своей эмиграции С. В. Троицкий успел немного поработать в знаменитом Новороссийском университете в Одессе, приват-доцентом которого он был зачислен 18 марта 1919 года. В предреволюционное время деканом юридического факультета был знаменитый правовед-международник П. Е. Казанский, поборник создания особых правовых кодексов стран будущего (по окончании мировой войны) славянского союза. Традиции этого университета касались и церковной науки — здесь начинал свою карьеру А. С. Павлов, учился Г. В. Флоровский и одновременно с Троицким преподавали историк А. П. Доброклонский и знаменитый Н. П. Кондаков. Разумеется, гражданская война не способствовала серьезной научной и преподавательской работе. Вообще, если она в Новороссийском университете и продолжалась, то скорее всего по инерции, как о том свидетельствует коллега приват-доцента Троицкого Н. П. Кондаков в своих воспоминаниях². 25 января (ст. ст.) 1920 года неизбежность сдачи города красным войскам сделалась

² В этих воспоминаниях замечания Кондакова о научной традиции Новороссийского университета весьма ядовиты: «В течение 20 лет я мог достаточно наблюдать, как печально действовало на многих способных к научным занятиям профессоров самое их пребывание в Одессе, вследствие отчуждения от той научной среды Москвы или Петербурга, которая их образовала... Таким путем Одесский университет, имевший, собственно говоря, по своей новости и отсутствию в самом городе той культурной заправки наших провинций, вроде Казани или Харькова, все шансы сохранять известную свежесть интеллигентной среды, распространявшейся из русских центров, давал полный пустоцвет на других факультетах, кроме естественного» (Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М., 2002. С. 164).

очевидной. Союзники белых вывезли на своих миноносцах лишь малую часть беженцев, в числе которых находился и Троицкий. Его путь пролегал в только что образованное Королевство сербов, хорватов и словенцев, ставшее в 1929 году Королевством Югославией.

Уже через три месяца после эмиграции С. В. Троицкий назначен «гонорарным», т. е. почетным профессором юридического факультета Белградского университета. Постепенно устраивается жизнь на новом месте; немного упрочив свое положение, Троицкий вызывает к себе жену и детей. Спустя четыре года его диплом русского магистра богословия был засчитан Советом Белградского университета в качестве докторского. Университет был основан в Белграде в феврале 1905 года на базе Великой школы и первоначально включал в себя три факультета: философский, технический и юридический. После войны и образования союзного государства открылся второй юридический факультет того же университета в Суботице.

Здесь, в Суботице, на венгерской границе, особо теплые отношения сложились у Троицкого с М. П. Чубинским, который еще в бытность профессором-криминологом Санкт-Петербургского университета опубликовал работу о необходимости сербо-хорватского союза. Как и Троицкий, Чубинский принимал самое активное участие в выработке правовой системы нового государства, в том числе Уголовного кодекса. Деканами юридического факультета в разное время также были русские юристы — историк права профессор Г. В. Демченко и сам Троицкий. Немало на факультете было и русских студентов, преимущественно из числа тех восьми тысяч русских беженцев, что осели в Воеводине.

Неоднократно С. В. Троицкий выезжал и в другие места русского рассеяния. В 1929 и 1931 годах он преподавал канонику в русском Богословском институте в Париже, расстаться с которым пришлось после незаконного присоединения митрополита Евлогия к Константинопольскому Патриархату. Интересно, что на этом посту сменил Троицкого его знакомый по Белграду Н. Н. Афанасьев.

В 1937 году, после т. н. «конкордатского кризиса», Троицкий был назначен «гонорарным» профессором Богословского факультета по кафедре церковного права. Хотя указ об открытии факультета последо-

вал одновременно с образованием Университета, свою работу он начал лишь в 1920 году — не без помощи русских эмигрантов, преподававших здесь богословские дисциплины. Среди них, помимо Троицкого, был его коллега по Одессе Александр Доброклонский (преподавал с 1920 по 1937 г.), а также знакомый по Киеву историк протопресвитер Феодор Титов, бывший деканом факультета с 1927 года и до своей смерти в 1935 году. Первый декан факультета протопресвитер Стефан Димитриевич сумел даже вывезти в 1924 году из Советской России большое количество богословской литературы из разоренных семинарских и академических библиотек.

На факультете Троицкий проработал вплоть до 1943 года. Здесь он обрел единственного сербского ученика-преемника — им стал известный канонист протоиерей Благога Гардашевич (1908—1993), написавший немало работ в память своего русского учителя. Здесь же русский профессор встретил начало войны. 12 апреля, в канун Пасхи, немцы были уже в Белграде³. В роковой 1941 год Троицкий, помимо общегосударственной, переживает и личную трагедию. На второй день бомбежек Белграда умирает его жена Лидия. Сам он в это время находился в Суботице, и два его сына, буквально под ударами, занимались похоронами.

Бачка, та часть Воеводины, где преподавал Троицкий, была оккупирована венграми, после чего юридический факультет был закрыт и Сергею Викторовичу пришлось перебраться в Белград. Однако связей с Суботицей никогда не порывал. Именно там он познакомился со своей второй женой. Елизавета Дмитриевна Панайотова (урожденная Нечаева) была в свое время студенткой Троицкого на юридическом факультете; муж ее, музыкант, также умер в начале войны. В 1944 году они поженились. Елизавета Дмитриевна сумела наладить послевоенный быт русского профессора, что позволило ему заниматься и далее наукой. Троицкие жили теперь в Белграде на Врачаре (улица Аваль-

³ Одним из последствий авианалетов на югославскую столицу стал разгром уникальной Библиотеки Сербии, хранившей сотни экземпляров «сербуль» и других старопечатных славянских книг. Однако не совсем верно винить в ее гибели одних немцев — библиотека горела в течение недели, т. е. до самого вступления вермахта в Белград, однако заняться ее спасением горожанам оказалось недосуг.

ска, 15), рядом с недостроенным тогда собором св. Саввы, фундамент которого покоится на месте сожжения турками мощей сербского перво-святителя. Здесь Троицкий продолжал поддерживать дружеские отношения с другими русскими учеными — прот. Владимиром Мошиным и знаменитым византинистом Георгием Острогорским. Угловой кабинет последнего в Институте византологии Сербской Академии наук, выходящий на Кнез-Михаилову улицу, был свидетелем их бесед о византийском влиянии на судьбу южных славян и борьбе между языческим эллинским и православным греческим наследием в самой России.

В 1945 году Троицкий официально выходит на пенсию, но уже через три года становится сотрудником Сербской Академии наук и искусств. В этом качестве он стал секретарем Комиссии по издательству «Законоправила»⁴ св. Саввы и членом более общей Комиссии по издательству источников сербского права. С этим связаны его поездки по стране: в Сараево, Герцег Нови, Дечанскую лавру. Интерес к сербским каноническим источникам не был у него только умозрительным. Изучение «Законоправила», отличие его текста от греческого первоисточника позволяло Троицкому яснее сформулировать свой ответ на проблему взаимоотношений Церкви Константинопольской и славянских Поместных Церквей. А то, что Церкви эти получили в то время новый полюс притяжения в лице Московского Патриархата, было вполне очевидно.

В военные годы Русская Церковь, своей патриотической деятельностью доказавшая, по словам Троицкого, «истинность слов *Послания* митрополита Сергия 1927 года о том, что Русская Церковь никогда не была с противниками русского государства»⁵, частично нормализовала свое положение в этом государстве. Сделать это было тем более

⁴ В русской литературе труд свт. Саввы часто неверно называется Кормчей, в то время как сам сербский перво-святитель мыслил свой труд аналогом именно греческого Номоканона. Только на Руси этот канонический сборник получает название Кормчей, каковое название переходит и на греческий труд уже нового времени — «Пидалион» прп. Никодима Святогорца (см. выше специальную публикацию, подготовленную сестрами Ново-Тихвинского монастыря совместно с А. Г. Бондачем. С. 123–177. — *Ред.*).

⁵ *Троицкий С. В.* О сабору Руске Православне Цркве // Гласник (службени лист Српске Православне Патриаршије). 1944. № 10–12. С. 94.

сложно, что те принципы, на которых разрабатывались основы высшего церковного управления в 1917 году, к сороковым годам в советской России фактически работать уже не могли.

Главной заботой патриарха Алексия I, помимо упрочения положения Церкви, стало примирение русской церковной диаспоры, к которой он не раз обращался с посланиями начиная с первых лет своего высокого служения.

Как вспоминает в опубликованной части своих мемуаров известный палеославист прот. Владимир Мошин, «к русской белградской церкви советская власть проявила большое внимание. Отец настоятель с остальным духовенством стали ходатайствовать о принятии ее под юрисдикцию Московской Патриархии, что было сравнительно быстро осуществлено. Церковь эта стала Белградским подворьем Московской Патриархии и была передана под защиту советского посольства в Белграде. Реальная связь осуществлялась путем нескольких приездов советских церковных представителей... Внутренняя жизнь церкви не претерпела изменений: она осталась под управлением о. Иоанна Сокаля с прежними его тремя священниками, среди которых я был младшим. Тогда же все мы стали ходатайствовать о возвращении в советское гражданство, что и было утверждено в 1947 году»⁶.

Троицкий, получивший двадцать лет назад югославское гражданство, менять его на советское не стал. Но тем не менее и он оказался в числе приглашенных Московским Патриархатом занять профессорскую должность в преобразованной из Богословского института в полноценное учебное заведение Духовной Академии. 20 мая 1947 года Троицкий был официально зачислен профессором МДА, каковым и пребывал до весны следующего года⁷. Однако полностью на 1949 год контракт этот продлен не был.

⁶ Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина // *Косик В. И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века)*. М., 2000. С. 182.

⁷ Троицкий был утвержден профессором МДА по кафедре Церковного права, о чем имеется запись в Журнале заседания Учебного комитета от 10 июля 1947 г. Совет Академии принял назначение Учебного комитета, но при этом высказал свое недоумение по поводу того, что Учебный комитет решал академические вопросы без сорного согласия академической корпорации. При этом Совет к самому профессору

Видимо, первоначальный проект привлечения эмигрантов из Югославии был более широким и включал имя не одного Троицкого. В открытке, посланной Троицкому в его номер в гостинице «Москва» настоятелем русского храма в Белграде прот. И. Сокалем, тот интересовался о перспективах своего вызова в Москву для преподавательской деятельности. О. Иоанн также сообщал ему новости о предполагавшемся визите сербского патриарха Гавриила в Россию: «Патриарх собирается в Москву, но когда еще не выяснено. Вы, конечно, знаете, кто тормозит. Думаю, что в конце концов Патриарх победит. Говорят, будто Собор постановил ехать»⁸.

Сербский патриарх Гавриил был занят в это время внедрением нового Устава Сербской Православной Церкви, принятого чуть ранее в связи с законом об отделении Церкви от государства в новой Югославии. Он попадет в Москву только через год, в июле 1948, а преподавание Троицкого прекратится слишком быстро.

Причиной тому был разрыв СССР с Тито, а не общее разочарование Сталина в проекте «русского Ватикана». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что другие приглашенные преподавать эмигранты остались в России — например, вернувшийся с Дальнего Востока еп. Димитрий (Вознесенский), отец будущего первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета.

То, что Сталин отказался поддержать Тито в его послевоенных притязаниях на Триест, сыграло свою роль в конфликте Белграда с Москвой. Кроме того, умелое лавирование во время войны партизан между немцами, итальянцами, усташами и четниками, дабы по одиночке разбить всех, рождало у Тито мысль о продолжении подобного лавирования и в будущем противостоянии между Западом и Востоком, становившемся все более очевидным начиная с фултонской речи Черчилля.

Троицкому никаких претензий не имел. Более того, из протокола Совета становится известно, что Троицкий «был избран на кафедру Церковного права и утвержден Его Святейшеством еще в начале минувшего учебного года (см.: ЖС МДА № 2 от 12.11.1946 г.)» (ЖС МДА № 46. 1947. С. 7). — *Ред.*

⁸ И. Сокаль — С. Троицкому. Письмо от 11.6.1947 // Архив автора. Прот. И. Сокаль — впоследствии архиепископ Черниговский Иннокентий.

С 1948 по 1953 годы все контакты между Москвой и Белградом были прерваны, а сторонники СССР были заключены в концлагерях адриатических островов Голи Оток, Св. Гргур и других. Все югославы, имевшие какие-либо контакты с Москвой, находились под наблюдением, подвергаясь явным и неявным репрессиям. Особенно это касалось, конечно, граждан Югославии русского происхождения. С этим связано было, отчасти, и прекращение лекционного курса Троицкого в МДА. С этим же, видимо, оказалась также связана и смерть его сына Виктора, при неясных обстоятельствах погибшего в 1950 году.

Десятилетие самого острого конфликта между Югославией и Советским Союзом окончилось только с венгерскими событиями. Как ни велика была обида Тито на Москву, антивенгерские традиционные настроения номинального хорвата взяли над ним верх. Кроме того, в будапештских антикоммунистических выступлениях слишком явно просматривалось желание нарушить тот европейский баланс, который с таким трудом устанавливался в постсталинское время.

В следующий раз Троицкий попадает в Россию только после окончания активной фазы противостояния Москвы и Белграда. Летом 1956 года он был командирован Сербской Академией наук и искусств для изучения хранящихся в московских и ленинградских библиотеках рукописей Кормчей.

В 1958 году он снова приезжает — на этот раз в связи с празднованием 40-летия восстановления русского патриаршества. Здесь он оказался в сфере внимания митрополита Николая (Ярушевича). Председателю ОВЦС был остро необходим специалист по «восточному вопросу», каковым Троицкий в то время, безусловно, являлся. Позднее, когда новый председатель Отдела, молодой архиепископ Никодим (Ротов) будет готовить поездку патриарха Алексия на Ближний Восток, Троицкий делается его главным консультантом. Эта осенняя поездка 1960 года была важным дипломатическим успехом Русской Церкви, не давшей перехватить инициативу по представительству всех православных Поместных Церквей одному только Константинополю. Итогом поездки стало проведение нескольких совещаний, участие в которых приняло большинство Православных Церквей. Одним из них стала Родосская конференция 1961 года.

Выяснению вопроса греческих притязаний Троицкий посвятил ряд статей, опубликованных в 50-е годы в «Вестнике Русского Западно-Европейского Экзархата»: «Теократия или цезаропапизм», «Неудачная защита неправды», «Каноны и восточный папизм», «Византийские номоканоны, их сербские коррективы и дело патриарха Никона», «Из истории спора Старого Рима с Новым», «Халкидонский Собор и восточный папизм».

В связи с подготовкой Родосской конференции Троицкий вновь находится в России с 28 сентября по 14 октября 1961 года. Время было достаточно тревожным: усиливается конфронтация СССР с Западом, в августе завершается строительство Берлинской стены, в сентябре в Белграде проводится саммит представителей неприсоединившихся стран под почетным председательством Джавахарлала Неру. Естественно, что в такой ситуации международная активность Русской Церкви все более приобретает государственное значение (неслучайно в том же году, 7 декабря, Русская Православная Церковь стала участницей Всемирного Совета Церквей).

Сергей Викторович еще до совещания, проходившего в последнюю неделю сентября, консультирует делегацию Русской Церкви (куда входили архиепископы Никодим (Ротов) и Василий (Кривошеин), а также прот. Виталий Боровой), предупреждает их о «подводных камнях» в отношениях с Фанаром и в целом проводит ту же линию, что отразилась в указанных выше работах. И не зря: как свидетельствует владыка Василий, председатель ОВЦС «твердо противостоял притязаниям Константинополя на почти что “папский” примат, на его попытку монополизировать дело подготовки и созыва Собора»⁹.

После успеха конференции сам Святейший Патриарх инициировал присуждение Московской духовной академией Троицкому докторской степени, обратившись к нему с предложением подготовить необходимые для соискания документы — список научных трудов и краткую биографию. В ответном письме, называя себя «покорным и до глубины души благодарным послушником», Сергей Викторович пишет не о признании своих заслуг, но о церковной пользе этого шага: «Думаю, что

⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Н. Новгород, 1998. С. 282.

присуждение мне докторской степени придало бы бóльший авторитет защищаемой мною церковно-политической идеологии в глазах широкой публики и что есть более оснований для присуждения степени доктора церковного права, чем богословия, так как профессором церковного права я был 27 лет (на двух факультетах в Югославии, в Париже и в Москве) и главные мои труды были посвящены этой науке»¹⁰.

Правда, не обошлось и без курьезов. В том же письме С. В. Троицкий писал: «20 октября отец протоиерей Виталий (Тарасьев, настоятель Свято-Троицкого храма в Белграде. — *Прот. А. З.*) передал мне Ваше милостивое письмо от 15 октября, Вашу фотографию и орден св. Владимира с грамотой... Орден св. Владимира я получил уже 45 лет тому назад, а именно 6 мая 1916 года, но, конечно, не звезду, как теперь, а маленький крестик»¹¹. Курьез заключается в том, что накануне революции Троицкий получил доставивший ему личное дворянство четвертый по значению орден Российской империи, а сейчас — «нагрудный знак», которым награждали (в те годы) представителей Поместных Церквей в память о юбилее русской церковной автокефалии. До Троицкого первым русским церковным деятелем, получившим эту награду, стал летом того же года сам патриарх Алексий.

В своем представлении о присуждении Троицкому докторской степени, зачитанном на заседании Ученого совета МДА 29 декабря 1961 года, проф. А. Георгиевский отметил, что «вся жизнь Сергея Викторовича — это подвиг и пример служения своей Матери, Русской Православной Церкви, о чем ярко свидетельствуют его жизнь и труды на пользу св. матери Церкви и богословской науке»¹².

Постановление Академии о присуждении степени доктора, утвержденное патриархом Алексием в последний день 1961 года, явилось не только признанием заслуги С. В. Троицкого в проведении столь важной для Русской Церкви в преддверии Второго Ватиканского со-

¹⁰ Письмо С. В. Троицкого Святейшему Патриарху Алексию I от 18.11.1961 // Архив МДА. Личное дело проф. С. В. Троицкого.

¹¹ Там же.

¹² Представление проф. А. И. Георгиевского и доц. В.И. Талызина о присуждении ученой степени доктора церковного права профессору Сергею Викторовичу Троицкому // Архив МДА. Личное дело проф. С. В. Троицкого.

бора Родосской конференции, но и закономерным итогом всего его служения.

Получив на Пасху 1971 года поздравление из МДА, Троицкий пишет в ответ ее ректору о том, как «до глубины души был обрадован, получив поздравление от Академии, которая и ранее оказывала мне высокую честь, даровав редкую степень доктора церковного права, хотя я преподавал это право в ней только два года»¹³.

Все 60-е годы Троицкий, несмотря на преклонный возраст и нездоровье, продолжает трудиться над анализом сербских источников права. Так, 20 июня 1964 года совет Сербской Академии наук и искусств специальным постановлением разрешает выдать Сергею Викторовичу на дом архивные материалы, «имея в виду слабое здоровье профессора Троицкого, не позволяющее ему работать в академическом архиве»¹⁴.

Он умер 27 ноября 1972 года. Через три дня в русской Иверской часовне на белградской Новом кладбище патриарх Герман совершил отпевание. Позднее вдова профессора передала в Московскую духовную академию курс его лекций, альбом фотографий Петербургской академии начала века и фотографии патриарха Алексия I с его автографами.

2. СОДЕРЖАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЛЕКЦИЙ С. В. ТРОИЦКОГО

Говоря о вкладе Троицкого в каноническую науку, следует вспомнить слова Н. Н. Глубоковского о том, что дореволюционное церковное право в России имело «наибольшее количество достаточно законченных специальных пособий авторитетного происхождения», но при этом не имело «вполне согласного решения даже и некоторых основных вопросов»¹⁵. Однако с точки зрения научной методологии послевоен-

¹³ Письмо С. В. Троицкого ректору МДА епископу Дмитровскому Филарету от 15.4.1971 // Архив МДА. Личное дело проф. С. В. Троицкого.

¹⁴ Годишњак Сербской Академии наук и уметности за 1964 г. Београд, 1968. С. 112.

¹⁵ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 99.

ного времени (маркированной трудами Куна, Лакатоса, Фейерабенда и т. д.) отсутствие «вполне согласного решения» не может считаться признаком теоретической ущербности. Напротив, это служит поливариативности такого решения (критерий принципиальной «фальсифицируемости» вместо неопозитивистской «верифицируемости» у К. Поппера), что почти всегда благотворно для научного развития.

О содержании лекций Троицкого в МДА можно судить по их конспекту, сделанному А. Буевским¹⁶. Ученый успел коснуться лишь тех принципиальных тем, относительно которых Глубоковский и констатировал отсутствие согласия в русской канонике. Эти темы — определение понятия церковного права, Церковь как объект права и принципиальность ее отделения от государства, соотношение церковного права с богословскими и юридическими науками, источники церковного права и его отличие от права канонического.

Относительно последнего вопроса Троицкий выказывает неожиданную категоричность, считая «каноническое право» понятием с меньшим объемом, относящимся лишь к содержанию Фотиева Номоканона. В отличие от этого, «церковное право» включает в себя и законодательство, не включенное в Номоканон XIV титулов редакции 883 года. Впрочем, здесь он разделяет мнение Н. Суворова, считавшего предпочтительным и более правильным и точным понятие именно церковного права для обозначения совокупности норм, которой определяются современные церковные отношения¹⁷. Характерно, что и сегодняшние нормативные учебники православного церковного права авторов-преемников кафедр Троицкого в этом вопросе не приходят к согласию. Русский ученый традиционно указывает на тождество понятий: «Он <А. Павлов> справедливо отождествляет каноническое и церковное право»¹⁸. Сербский исследователь предпочитает второе название, ведь оно «намного шире, так как церковное право охватывает и каноническое право, хотя каноническое право старше и из него развилось право церковное»¹⁹.

¹⁶ Троицкий. Лекции.

¹⁷ Суворов 2004. С. 6.

¹⁸ Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2009. С. 86.

¹⁹ Перий Димшио, свящ. Црквено право. Београд, 2006. С. 19.

Само же церковное право определяется Троицким как «совокупность правовых норм, регулирующих устройство и жизнь Церкви»²⁰. «Регулирующие нормы» в этом определении заимствованы из расширенной им знаменитой античной формулировки («право есть творчество в области доброго и равного»), звучащей теперь так: «Право есть совокупность социальных норм эквивалентного характера»²¹. В самой этой формуле нет ничего необычного, новизна заключается в ее обосновании.

Дореволюционное каноническое право в России, делая необходимые оговорки о церковной составляющей своего предмета, тем не менее относила его к юридическим наукам и по своей форме, и, что особенно важно, по источнику своего формирования. «Все указанные заимствования из богословских наук, — говорит Павлов, — не изменяют характера нашей науки как юридической. Она имеет дело исключительно с *правом Церкви*, все чисто богословские элементы в своем содержании подчиняет *юридической* точке зрения, излагает их только с *юридической стороны*»²². Необходимость права в Теле Христовом традиционно объяснялась фактом внешних условий церковного *организма*, воспринимаемого с этой стороны в качестве *организации* — со своим иерархическим устройством, правилами и т. д. Именно внешняя жизнь Церкви как организованного целого необходимо предполагает существование в ней порядка, согласного с ее внутренним существом и жизненным назначением.

Тот же Павлов так формулирует представление о связи богословия и права в канонике: «Догматическое понятие о Церкви как духовном царстве Божьем на земле, в котором господствует воля Божья и действуют таинственные силы божественной благодати, — это понятие не входит в круг предметов, подлежащих рассмотрению в науке церковного права. Последняя имеет дело с Церковью как с внешним человеческим союзом, имеющим свою особенную организацию и стоящим в известных отношениях к другим человеческим союзам»²³.

²⁰ Троицкий. Лекции. С. 12.

²¹ Там же.

²² Павлов 2002. С. 17.

²³ Там же.

Именно с таким представлением и порывает Троицкий, когда предлагает свое *метафизическое* основание учения о Церкви и через него определяет значение права. Из экклезиологии для права важно положение о Боге как надличном Бытии, в Котором три Лица соединены в одном Существом и Которое является вечною Любовью. Именно это «служит метафизическим основанием для учения о Церкви как организации, которая соединяет в едином надличном бытии все разумные существа между собою и с Богом, делая их причастными божественной жизни»²⁴. Понятна ограниченность каноники в раскрытии форм такого бытия, но необходимо подчеркнуть и то, что без этого фундамента сама эта наука не имеет существования. В обычном противопоставлении права и морали также мало смысла, ибо даже любовь и делаемая во имя любви жертва своих интересов, считает Троицкий, все же имеет своей исходной точкой право, а не мораль. В самом деле, человек может жертвовать другому только свое, а не чужое, что было бы кражей, а не жертвой.

Само право уподобляется поэтому алавастровому сосуду²⁵, необходимому для принесения чистого мира христианской любви. Без этого сосуда можно было бы ожидать лишь «гибели мирной», отсюда и дается приведенное выше определение церковного права как совокупности тех норм, что помогают этого избежать.

Именно этот радикально экклезиологический подход отличает Троицкого от предшествующей традиции в российской науке церковного права. Разумеется, это не отменяет того, что по своему предмету эта наука стоит в связи с науками богословскими, а по своей природе — с юридическими. Более того, это самостоятельная ветвь права, параллельная опирающемуся на государственную власть праву светскому, но не входящая ни в одну ветвь этого права — публичного, частного или общественного.

Такая независимость определяется для Троицкого специфическим пониманием *источников* церковного права. В известной монографии предшественника Сергея Викторовича по академической кафедре

²⁴ Троицкий. Лекции. С. 8.

²⁵ Ср.: Мф. 26, 7.

Н. Заозерского²⁶ подчеркивалось «иносушие» церковной власти в противовес гражданскому «кратосу», обладающему принудительным характером. Такой кратологический подход вызвал в свое резкое неприятие у Н. Суворова, считавшего его «анархическим отрицанием всякой церковной власти, на основании будто бы Евангелия, которое учит не властвовать, а служить и повиноваться», в то время как «с точки зрения юридической всякое правительство, в том числе и церковное, есть властвование»²⁷.

Имплицитно Троицкий разделяет взгляд Суворова, считая материальными источниками церковного права и волю Основателя Церкви, и волю самой Церкви, но и волю государственной власти. При этом два последних источника обязательны только тогда, когда согласны с первоисточником, волей Божией. Именно здесь Троицкий переносит традиционное для православного догматического богословия учение о естественном и сверхъестественном Божественном откровении в раздел источников права своей науки.

Божественное право открывается человеку естественным образом через человеческую природу, так как ей присуще сознание основных правовых норм. Историческим примером такого *естественного Божественного* права можно считать право римское. Сверхъестественное откровение в праве дано через Христа и Божиих избранников. Такое *положительное Божественное* право есть «совокупность правовых отношений, открытых Богом людям чрез Иисуса Христа и святых... Единственным источником познания позитивного Божественного права является Священное Предание, сохраненное двумя способами — путем устной и письменной передачи»²⁸.

Вторым же источником церковного права является воля самой Церкви. Она выражается в церковном законотворчестве, являющемся прерогативой православного епископата — носителя церковной власти — и церковных органов, действующих *по полномочию* носителей такой законодательной власти (область статутарного права). Кроме

²⁶ См.: Заозерский Н. О церковной власти. СП, 1894.

²⁷ Суворов 2004. С. 181–182.

²⁸ Троицкий. Лекции. С. 47.

того, выражением церковной воли служит согласный с Божественным правом церковный обычай.

Наконец, особое внимание уделяет Троицкий воле государственной власти как источнику церковного права. Этот вопрос, разумеется, не носил для него лишь теоретического характера. Канонисты синодальной эпохи колебались в этом вопросе от осторожного признания у Павлова²⁹ полной свободы и самостоятельности, которые Церковь должна иметь в своей области (в том числе и законотворчестве), до категорического отстаивания Суворовым³⁰ обладания императором (византийским или российским) верховной законодательной церковной властью.

Троицкий указывает на такой немаловажный фактор, как отсутствие у Церкви собственной территории. Поскольку же ее общины располагаются там, где суверенная гражданская власть принадлежит какому-либо государству, то она не может игнорировать волю этого государства как в своей внутренней организации, так и в вопросе юридического статуса на территории этого государства. Как он подчеркивал еще в своих белградских лекциях, «такое значение государственная воля имела в Церкви во все эпохи, даже в период гонений, когда государство смотрело на церковь как на *collegium illicitum*»³¹. Даже в это время Церковь в своем имущественном праве пользовалась установлениями римского права в этой области.

3. ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ С. В. ТРОИЦКОГО

Подобное понимание влияния государства на организацию церковной жизни складывалось у Троицкого далеко не сразу. Проделанный им путь от синодального чиновника до профессора МДА был связан и с расставанием со старыми представлениями о таком влиянии. Во многом этому способствовала необходимость выработки ясной канонической позиции в период церковных нестроений в эмиграции.

²⁹ Павлов 2002. С. 347.

³⁰ Суворов 2004. С. 458–461.

³¹ Троицки С. Церквено право. Т. 1. Београд, 1937. С. 73.

Этот эпизод биографии русского канониста сыграл важную роль в истории его преподавания в МДА, и потому остановимся на нем несколько подробнее. Тщательно изучавшие поведение Троицкого во время эмиграции спецслужбы не смогли впоследствии обвинить его в какой-либо антисоветской деятельности. Церковная позиция Троицкого также была далека от вовлеченности в политические баталии и передается им самим в известных словах: «Всех я признаю, но ничьих ошибок не одобряю»³². Он видит ошибки в поведении всех сторон конфликта, а сами эти ошибки коренятся в привычной аналогии между территориальным делением государственным и церковным: «Стремление сохранить, во что бы то ни стало, непрерывное единство церковного управления, этот своего рода церковный империализм, и является главной причиной современных церковных нестроений»³³. Именно поэтому карловчане претендуют на управление *всеми* заграничными русскими епархиями, в то время как митрополит Сергей претендует на то же самое, глядя из Москвы, хоть и сам «неволью становится орудием большевистских планов в отношении к эмиграции», а митрополит Евлогий, «не решившись превратить в свою епархию во временно самостоятельный митрополичий округ с полнотой иерархической власти, пошел навстречу запоздалой мегаломании Константинополя»³⁴.

Необходимо различать правомерность размежевания и неправедный раскол и не выдавать за каноническую или догматическую верность сохранение во что бы то ни стало исторически образовавшихся церковных организаций.

Если принимать за основную церковную единицу митрополичий округ, то как при этом оценивать дробление крупных церковных организаций? Как вполне естественное, считает Троицкий. Более того, характер соборных постановлений свидетельствует о крайнем нежелании увеличивать и укрупнять церковные территории. Норма, некий эклизиологический атом, считает русский канонист, — это епархиальный епископ и собор епархиальных епископов в числе не менее трех, под

³² Троицкий С. В. Размежевание или раскол? Париж, 1932. С. 6.

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Там же.

председательством митрополита. Все остальные формы территориальной организации Церкви не являются ни необходимыми, ни догматическими. Тем самым, размежевание может быть признано справедливым в случае а) большего блага Церкви, б) способности отделяющейся части к самостоятельной жизни и в) наличия всецерковной рецепции.

Поскольку же, подчеркивает Троицкий, вопрос теперь потерял значение только внутрисоссийского, а касается всей полноты Православных Поместных Церквей, должен быть найден сугубый беспристрастный защитник канонического порядка. Таковым для Троицкого является Сербская Церковь. Разрешая на своей территории существование Карловацкого церковного управления, именно она должна взять на себя посредничество в улаживании возникшего нестроения.

Троицкий подчеркивает, что нет *ни одного* акта русской высшей церковной власти, который мог бы «послужить основанием для существования Русского Высшего Управления в Карловцах, тогда как актов о закрытии этого Управления было издано этой властью уже несколько. Теория же, производящая авторитет Карловацкого Управления от Собора русских епископов за границей, построена на сыпучем песке, ибо Собор малой части епископов известной Церкви не в праве ни нарушать распоряжения Высшего Управления своей Церкви, ни учреждать Высшее Управление на территории другой автокефальной Церкви»³⁵. В этом смысле Карловацкий синод есть лишь каноническое подразделение Сербского синода. Для Троицкого это — позиция канониста Сербской Поместной Церкви, входящего в структуру самой этой Церкви, но участвующего (хотя бы как прихожанин белградского Свято-Троицкого храма) и в жизни одного из ее подразделений — Русского Карловацкого синода. При этом ни при каких изменениях отношений между Сремскими Карловцами, Москвой и Фанаром Троицкий не ставил даже вопроса о правомочности и легальности статуса митрополита Сергия.

Свою оценку правового положения оказавшихся вне своих епископий русских архиереев Троицкий строит на объяснении канонической нормы территориального устройства церковной организации. Церковное право в этом вопросе исходит из принципиальной невозможности

³⁵ Там же. С. 131.

для епископа расстаться со вверенной ему кафедрой — как в смысле добровольного перемещения, так и узурпации. Подспудной причиной любого перемещения некоторые правила (например, Сард. 1 и 2) прямо называют честолюбие.

Однако, «безусловно запрещая имеющим свои епархии епископам оставлять их навсегда с целью получения другой епархии и ограничивая право их даже временно покидать свои епархии, каноны совершенно иначе относятся к тем епископам, которые не могут занять своих кафедр или лишились их “не по своей вине”»³⁶. К таковым Троицкий относит и русских архиереев, составивших Заграничный синод. Подобно византийскому епископату эпохи мусульманской экспансии, они могут занять и другие кафедры, но не самочинно, а по приглашению местной церковной власти (Антиох. 16).

Более того, в церковной истории имелись исключительные случаи (тем не менее, предусмотренные канонами) переселения епископа в пределы другой Церкви вместе со своей паствой. В таких случаях вынужденный к переселению в силу обстоятельств епископ сохраняет в чужой епископии титул своей епархии (согласно Трул. 36) и права священнодействия, но не управления (Антиох. 18). Он же может занять вдовствующую кафедру в этой митрополии, принимая ее титул и теряя все права в отношении бывшей своей кафедры.

Наконец, в случае, схожем с историей русской церковной диаспоры, епископ сохраняет за собой и на новой территории все внутренние и внешние права церковного управления. Согласно 39-му правилу Трульского Собора, такой архиерей «возглавляет собою независимую от местной церковной власти Церковь — автокефальную, если он был автокефальным на прежней территории, и подчиненную высшей церковной власти на прежней территории, если он таковым на прежней территории не был»³⁷.

Именно последней канонической возможностью и должен был, по мысли Троицкого, воспользоваться Карловацкий синод. Но вместо того, чтобы нормализовать свой канонический статус, члены сино-

³⁶ Троицкий С. В. О правах епископов, лишившихся кафедр без своей вины. Београд, 1922. С. 8.

³⁷ Там же. С. 18.

да предпочли мифологизировать статус политический. В конце 1921 года митрополит Антоний открыл в резиденции сербского патриарха в Сремских Карловцах первый всезаграничный Русский церковный Собор. Его заседания, в которых участвовали 13 епископов, два десятка священников и почти семьдесят мирян, проходили в актовом зале местных гимназии и семинарии. Собор принял сформулированные епископом Вениамином (Федченковым) тезисы «борьбы с социализмом», в которых указывалось, что «между христианством и социализмом существует полное противоречие при поверхностном мнимом сходстве», а мерами против него должно стать участие в борьбе против социализма всех христианских исповеданий и других религий.

Подобную политизацию церковной жизни Троицкий справедливо связывал с инерцией синодального периода. Опасность для Зарубежного синода, по мысли Троицкого, исходила от неизжитого цезарепапизма: «После революции византийская идея царя-помазанника послужила мотивом для Зарубежной Русской Церкви сделать на Карловацком соборе 1921 года чисто политическое постановление, что дало повод советской власти смотреть на Церковь как на организацию, враждебную ей, что имело страшно тяжелые последствия для Русской Церкви в самой России»³⁸.

В конце 30-х годов Троицкий считал вполне возможным признание Русской Церкви югославским государством в качестве самостоятельной религиозной организации. Этому не могло препятствовать ни существование на территории этого государства Сербской Православной Церкви, ни зависимость личного состава этой Церкви от иностранной (московской) власти, ни ее малочисленность. Можно сослаться и на международное право, ведь «Сен-Жерменский договор дает Русской Церкви как религиозному меньшинству права, которые югославянская Конституция обеспечивает только признанным религиозным организациям, и этим обязывает государственную власть причислить ее к таким организациям»³⁹.

³⁸ Троицкий С. В. Теократия или цезаропапизм // Вестник Русского Западно-европейского Патриаршего экзархата 16. 1953. С. 206.

³⁹ Троицкий С. В. Правовое положение Русской Церкви в Югославии // Записки Русского научного института в Белграде 17. 1940. С. 100.

Тем же иерархам, кто склонялся к своеобразному правовому нигилизму и считал нормальным ее неустроенное в государственном смысле положение, Троицкий напоминал, что «легализация Русской Церкви, поскольку ее права будут тогда обеспечены самой государственной Конституцией, даст ей даже большую свободу и независимость, чем она имеет в настоящее время», когда все равно она подчиняется законам государства, но при этом ее права «всецело зависят от изменчивого благоволения носителей государственной власти»⁴⁰. Лишь впоследствии, с избранием первоиерархом Карловацкого синода митрополита Анастасия (Грибановского), положение изменилось в сторону раскола. И только тогда это слово прозвучало в названии известного памфлета Троицкого⁴¹. Но и ситуация, подчеркнем, в послевоенных церковных делах изменилась принципиально.

Отделение Церкви от государства Троицкий считал принципиально необходимым, понимая этот принцип как *независимость* церковного бытия от преходящих государственных форм. «Вне государственной суверенности стоят наука, искусство и вся область личных свобод, поскольку они предоставлены государством суверенитету индивидуума. В эту область входит и свобода веры и совести. В этой области суверенно не государство, а личность, индивидуум, сознание и совесть»⁴². Религиозная организация таких индивидуумов также должна быть свободна от вмешательства государства. Тем самым свобода веры и совести должна вести к сепарации Церкви и государства.

На таком фоне ссылка в лекциях на декларируемое сто двадцать четвертым параграфом десятой главы сталинской конституции отделение Церкви от государства в СССР с целью обеспечения свободы совести выглядит не курьезом, но желательным для автора положением дел. Основанная независимо от государственной власти Церковь не может иметь единственным источником собственного права только государственное законодательство. При этом не нарушается и единство правовой системы в государстве, так как суверенность власти неделима

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960.

⁴² Троицкий. Лекции. С. 19.

лишь по сущности, а не по компетенции, иначе такая власть будет тотальной, а не суверенной (Троицкий приводит здесь в пример Гитлера, хотя можно сослаться на практически любой европейский режим предвоенной поры). Не может и само государство быть религиозным, так как «носителем веры может быть только личность и Церковь, но не государство, которое по своей природе арелигиозно»⁴³.

Взгляды Троицкого на место права в Церкви рождались им в неявной полемике с еще одним своим кафедральным преемником (в Парижском богословском институте) — прот. Н. Афанасьевым. Догматическое учение о Церкви, считает Афанасьев, воплощается в исторических формах церковной жизни. Однако это воплощение никогда не бывает полным, а всегда лишь относительным, поэтому исключается возможность некоей идеальной канонической формы. Признание существования такой идеальной формы означало бы недолжную абсолютизацию относительного, каковым является историческая ткань Церкви. Таким образом, соотношение между историческим бытием Церкви и ее сущностью таково, что историческое бытие есть та форма, в которой пребывает сущность⁴⁴. Место церковного права в такой перспективе достаточно проблематично. На подобные обвинения Троицкий отвечает указанием на слова Самого Спасителя об исполнении Им закона (Мф. 5, 17). Поэтому юридическая аксиома о необходимо правовом характере любого общества применима и к Церкви.

Профессор Троицкий соединяет предшествующую традицию с той, которую должна отстаивать церковно-правовая наука в современных духовных школах. Это — экклезиологическое понимание права, определяющее и общий характер этого предмета, и его специфику. К этому ученому как живому отражению русской церковной истории XX века можно по праву отнести слова комментатора к Фотиеву Номоканону. Он стоит в одном ряду с теми, кто «словом канонов — планет и звезд

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ В развернутом виде эти взгляды выражены прот. Н. Афанасьевым в работах: *Каноны и каноническое сознание // Путь* 39. 1933. С. 81–92; *Неизменное и временное в церковных канонах // Живое предание: Православие в современности*. Париж, 1937. С. 92–109.

неподвижных от века, Как и законами, мира стези озарившими ясно, Божий завет осветили разумным своим объяснением»⁴⁵.

ПРИЛОЖЕНИЕ
*CURRICULUM VITAE*⁴⁶

Троицкий Сергей Викторович, сын наставника Томской духовной семинарии Виктора Ильича Троицкого, родился 14 (26) марта 1878 г. в г. Томске, в 1891 г. окончил Духовное училище, в 1897 г. — Духовную семинарию в г. Твери, в 1900 г. — Петербургский Археологический институт со званием действительного члена Института (диплом от 10 мая 1900 г. № 269), в 1901 г. — Петербургскую духовную академию со степенью кандидата-магистранта (дипл. № 1250), 27.5.1913 г. в Киевской духовной академии получил степень магистра богословия — диплом № 1851, нострификованный 2.4.1924 Советом Белградского университета как докторский. 29 декабря 1961 года Советом Московской духовной академии удостоен степени доктора церк. права.

С 1.9.1901 г. — надзиратель, с 17.3.1902 до 12.5.1915 г. — преподаватель Александро-Невского духовного училища в Петербурге, с 29.9.1906 г. причислен к Канцелярии обер-прокурора Св. Синода с назначением членом редакции «Церковных Ведомостей», а в 1917 г., во время Собора Русской Церкви, назначен помощником редактора этого журнала, в 1909 г. — член Комиссии при Учебном комитете Св. Синода по древним языкам, в 1910 г. — член Совещания по вопросу об организации Русской Церкви за границей, 17.3.1910 г. командирован с научной целью в Болгарию, Сербию и на Афон, в 1912 г. назначен членом Издательской комиссии Училищного совета

⁴⁵ Пер. с греч. *Д. П. Шестакова // Нарбеков В.* Номоканон патр. Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2. Каз., 1899. С. 1.

⁴⁶ Текст публикуется по экземпляру, хранящемуся в библиотеке г. Панчево (Сербия), сверен с вариантом, хранящимся в Архиве МДА (разночтения отмечены в сносках).

и командирован в Германию для изучения издательского дела в Католической Церкви, 16.5.1913 г. командирован на Афон по делу ереси имябожников, а 18.2.1914 г. — в Москву по тому же делу, 19.11.1913 г. назначен членом и делопроизводителем Издательского совета при Св. Синоде, 12.5.1915 г. назначен чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, в 1917 г. командирован на Кавказ по делу о созыве Собора Русской Церкви, а во время Собора состоял делопроизводителем его канцелярии (1917—1918) и в 1918 же году был начальником кодификационного отдела канцелярии Собора Русской Церкви в Киеве. В 1919—1920 гг. был приват-доцентом Новороссийского университета по кафедре церковной истории.

25.1.1920 г. эмигрировал в Югославию, где с 24.4.1920 г. был гонорарный, с 30.12.1922 г. — экстраординарный и с 26.2.1929 г. — ординарный профессор юридического факультета Белградского Университета (до 6.4.1941 г. в Суботице и до 6.11.1945 г. в Белграде) по кафедре церковного права, а вместе с тем в 1937—1943 годах — гонорарный профессор Богословского факультета в Белграде по той же кафедре. В учебном 1934/35 г. был деканом юридического факультета в Суботице. В 1938 г. был членом Конференции представителей университетов Югославии по составлению Устава юридических факультетов. 28.10.1937 г. Министерством Просвещения назначен членом-заместителем Комиссии для производства экзаменов на звание профессора, а 22.2.1941 г. Министерством Юстиции назначен членом Комиссии для составления проекта закона о смешанных браках⁴⁷. Начиная с 1948 г. работал в качестве сотрудника Сербской Академии Наук, в изданиях которой поместил несколько своих научных работ, в 1950 г. был командирован Академией в Сараево и Герцеговину, а в 1951 г. в Дечанскую лавру для изучения старославянских рукописей, с 21.10.1951 г. до 1961 г. был членом Комиссии Академии по изданию Кормчей св. Саввы, а с 24.6.1952 г. — и секретарем этой Комиссии, 5.12.1953 г. избран членом Отдела для издания источников сербского права XIX века.

⁴⁷ Приписано от руки на сербском: «Призионисан 6.11.1945 г. одлуком Мин. Просвете бр. 4086».

3.12.1925 г. Архиерейским Собором Сербской Церкви был избран ее экспертом по каноническим вопросам и в этой должности принимал участие в составлении проекта Закона о Сербской Православной Церкви, ее Устава и брачных правил, в ее защите от попытки Константинопольской Церкви подчинить себе епархии и приходы Сербской Церкви вне Югославии, в борьбе против решения югославянского правительства заключить конкордат с Ватиканом, в защите Сербской Церкви против претензий немецкого оккупатора, в подготовке ее участия на Родосской конференции и т. п.

Вне Югославии С. Троицкий в 1928 г. и 1930 г. преподавал церковное право в Русском богословском институте в Париже (но прекратил связь с Институтом, когда он самочинно перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии)⁴⁸. В апреле и мае 1929 года в качестве эксперта по каноническим вопросам защищал в судах США имущество более 100 приходов Русской Православной Церкви от посягательства «митрополита» Живой церкви Кедровского. С 20 мая 1947 года и в 1948 г. служил профессором по кафедре церковного права в Московской духовной академии и в эти же годы состоял членом Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии⁴⁹. В июле и августе 1956 г. по поручению Сербской Академии Наук изучал в Ленинской библиотеке и Историческом музее в Москве и в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рукописи Кормчей, о чем представил доклад Академии, опубликованный в «Гласнике Академии» (1957. Кн. VIII, 2. С. 233–240).

С 2 по 28 мая 1958 г., по приглашению Московской Патриархии, был в Москве и Загорске, где в это время праздновалось сорокалетие восстановления Патриаршества в Русской Церкви, и работал в библиотеках Ленинской (рукописи Устюжской, Иоасафовской и Троицкой Кормчих) и Исторического Института (рукописи Кормчих Ефремовской и Уваровской), а также и в редакции «Журнала Московской Патриархии».

⁴⁸ Взятая в скобки фраза зачеркнута, но присутствует в экземпляре Архива МДА.

⁴⁹ В экземпляре Архива МДА добавлено: «но в 1949 году был лишен возможности продолжать там службу по политическим причинам».

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

С 28 сентября до 14 октября 1961 г., по приглашению Председателя Отдела внешних сношений Патриархии Архиепископа Никодима в связи с Родосской Конференцией, был по церковным делам в Москве, Загорске и Ленинграде и работал в Редакции «Журнала Московской Патриархии».

Начиная с 15 июня 1962 года состоял «сполашним сарадником» (внештатным сотрудником) Исторического института Сербской Академии наук и уметности (искусств)⁵⁰.

ЛИТЕРАТУРА

Павлов 2002 — Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002.

Суворов 2004 — Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004.

Троицкий. Лекции — Троицкий С. В. Лекции по Церковному праву. Машинопись. 113 с. (Архив МДА).

⁵⁰ На более раннем экземпляре Архива МДА стоят подпись и дата: «Троицкий. 7.12.1961. Белград».